
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Санкт-петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-IV

90-летию со дня рождения Ц. Дамдинсурэна посвящается

Составитель И. В. Кульганек



Санкт-Петербург
1998

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 97—04—16171)*

Mongolica-IV: Сб. ст. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1998. — 112 с.

Сборник научных статей, посвященный 90-летию со дня рождения Ц. Дамдинсурэна, выдающегося монгольского ученого, филолога, писателя, переводчика, представляет собой продолжение серии, предыдущие выпуски которой были посвящены Б. Я. Владимирцову (вып. I), «Сокровенному сказанию» (вып. II), архивам русских монголоведов (вып. III).

В сборнике представлены статьи специалистов-монголоведов из различных востоковедных центров, и прежде всего — Санкт-Петербурга, с которыми была тесно связана личная жизнь и научное творчество Ц. Дамдинсурэна.

Статьи сборника находятся в русле научных интересов Ц. Дамдинсурэна: это тибето-монгольские литературные традиции, взаимодействие и взаимовлияние литератур, история литературы, теория перевода.

Mongolica-IV presents a collection of scholarly articles dedicated to the ninetieth anniversary of the birth of Ts. Damdinsuren, an outstanding Mongolian scholar who made contributions as a philologist, writer, poet, and translator. The current issue continues a series in which previous issues were dedicated to B. Ia. Vladimirtsov (Vol. I), «Sacred Tales» (Vol. II), the archives of Russian Mongolian studies scholars (Vol. III).

The articles were written by specialists in Mongolian studies from various centers of oriental studies, including Buriatia and Kalmykia. The bulk of the contributors hail from Saint-Petersburg, a city closely connected with Ts. Damdinsuren's personal life and scholarly work.

The articles develop themes which formed the core of Ts. Damdinsuren's scholarly interests: Tibetan-Mongolian literary traditions, the interaction of literatures and processes of mutual influence, the history of literature, and translation theory.

Издательство «Петербургское Востоковедение»
ЛР № 065555 от 05.12.1997
191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Набор — *Т. В. Чудинова*
Редактор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *М. В. Вялкина*
Корректоры — *Т. Г. Бугакова, Н. В. Пивоваренок*

Подписано в печать 31.07.1998. Печать офсетная. Бумага офсетная
Формат 60x90 1/8. Гарнитура «Таймс». Объем 14 п. л.
Заказ №

ОТПЕЧАТАНО В РОССИИ

Тираж отпечатан в типографии Санкт-Петербургского Государственного университета

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена.
Любое использование материалов данного издания возможно исключительно
с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems
or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape,
mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission
in writing form of the publishing house.

ISBN 5-85803-118-8

© «Петербургское Востоковедение», 1998

© И. В. Кульганек, составление, 1998

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, 1998



Зарегистрированная торговая марка

Содержание

Предисловие	5
А. Д. Цендина	Несколько слов о научной деятельности Ц. Дамдинсурэна 7
Л. К. Герасимович	Художественное творчество Ц. Дамдинсурэна 11

Источниковедение и историография

В. Л. Успенский	Три рукописных тома монгольского «Данджура» из библиотеки Санкт-Петербургского университета 17
З. К. Касьяненко	Некоторые исторические сведения в колофонах «Ганджура» 20
И. В. Кульганек	Рукописи и фонограмзаписи монголо-ойратского героического эпоса «Джангар» в архивах Санкт-Петербурга 23
С. В. Дмитриев	Версии коронации Чингис-хана с точки зрения политической логики. II. Ван-хан 25
А. Д. Цендина	Хасар и Чингис в летописях Мэргэн-гэгэна и Джамбадорджи 30

Из рукописного наследия. Текстология

<u>Д. Ендон</u> , А. Г. Сазыкин	Монгольская версия рассказов о пользе «Алмазной сутры» 36
Е. А. Хамаганова	Сборник «Драгоценные четки» и его место в средневековой тибетской литературе. 48
Н. С. Яхонтова	Анонимный сборник поучений 53

Литературоведение и фольклористика

Л. Л. Викторова	К вопросу о сяньбийских и киданьских фольклорных сюжетах, сохранившихся у монголов 69
Л. Г. Скородумова	О некоторых модернистских тенденциях в современной монгольской литературе 76
М. П. Петрова	Поэтическое творчество Ч. Мягмарсурэна 80
И. В. Кульганек	Стихи Марины Цветаевой на монгольском языке 85

Из архивов востоковедов

К. В. Орлова	Научный архив Калмыцкого Института общественных наук РАН 93
А. З. Хамарханов	Письма Н. Н. Поппе Т. А. Бертагаеву 103
И. В. Кульганек, Д. Д. Васильев	С. А. Кондратьев — Ц. Жамцарано 106

А. Д. Цендина

Хасар и Чингис в летописях Мэргэн-гэгэна и Джамбадорджи

В монгольской летописной традиции «Алтан тобчи» Мэргэн-гэгэна (XVIII в.) и «Болор толи» Джамбадорджи (XIX в.) занимают особое место. Их специфика состоит в приверженности данных авторов Хасару, брату Чингис-хана. Это обстоятельство неоднократно отмечалось учеными [1—5]. И Мэргэн-гэгэн и Джамбадорджи происходили из хошуна Урат, население которого относит себя к потомкам рода Хасара. Мэргэн-гэгэн был настоятелем Мэргэн-сумэ и самое главное — представителем уратского княжеского дома. Джамбадорджи был да-ламой монастыря Туйлун-хамгалагч Уратского хошуна и составил свое сочинение по заданию князя данного хошуна дзасака Лаванринчина. Однако объяснение прохасарской направленности летописей возникновением их в среде потомков Хасара нам представляется недостаточным, так как оно не вскрывает механизма формирования данного явления. Где же его истоки?

В свое время на противоречия между Хасаром и Чингисом обратил внимание монгольский историк Ш. Нацагдорж [6]. Проанализировав сведения источников по истории монголов об отношениях Чингиса с Хасаром, он пришел к выводу, что Хасар претендовал на ханский престол, боролся за него с Чингисом и был поэтому постоянно подозреваем братом в измене, притесняем и оскорбляем им.

Первая крупная размолвка Чингиса с Хасаром, о которой мы знаем, началась с того, что Хасар, не поняв, что племя Хонгирад идет присоединиться к Чингису, разбил их. Чингис разгневался на него и забрал Хасаровых подданных. Хасар ушел к Ван-хану. Оттуда он все-таки бежал к Чингису (хотя причины бегства не вполне ясны) и хитростью помог Чингису разбить Ван-хана. Затем как-то, распределяя доли между сыновьями и братьями, Чингис явно обидел Хасара и Бэльтүгэя. Их недовольство Чингисом, выраженное на пире на реке Онон, неслучайно. Неслучайно и то, что Чингис сразу поверил наговорам на Хасара быстро возвысившегося шамана Тэб-Тэнгри из рода Хонхотон. Он не до конца доверял брату, постоянно ожидая от того подвоха. Обиженный наказанием Чингиса, Хасар откочевал от него. Ш. Нацагдорж считает, что Хасар соединился с сильным родом Хонхотон, имея в виду бороться со старшим братом, но то ли силой, то ли уговорами был возвращен Субэдэем. Часть его подданных так и не вер-

нулась с ним, уйдя дальше, на Баргузин. Чингис подавил сопротивление, Хасар сдался, а Тэб-тэнгри был убит. Затем Чингис жестоко наказал Хасара за самонмение во время похода на тангутов, но должен был его освободить, так как нуждался в его силе и помощи [6, 11—13].

Итак, противоречия между Чингисом и Хасаром, несомненно, имели место. (Хотя на вопрос, были ли они выражением откровенной борьбы за престол, как утверждает Ш. Нацагдорж, или являлись результатом обычных интриг различных партий вокруг престола за влияние, точного ответа ни наши летописи, ни другие сочинения по истории монголов все же не дают.) Однако вполне очевидно, что прохасарская направленность «Алтан тобчи» Мэргэн-гэгэна и «Болор толи» Джамбадорджи сформировалась не в результате прямого отражения этих противоречий. Осмысленного противопоставления Хасара Чингису в данных летописях нет. Мы не согласны с бурятским ученым П. Б. Балданжаповым, который писал: «По Мэргэн-гэгэну, Хасар — воплощение всех добродетелей и героизма. Он честен и справедлив. Благодаря его героическим подвигам, мудрости и справедливости „милости и законы могучего и славного“ Хабуту Хасара „были объявлены повсеместно“, „тысячи лучшей славы его распространились по всему миру“. Чингис же в противоположность ему коварен, несправедлив, вспыльчив. Он способен в гневе отнять сыновей и подданных Хасара, изгнать его или „надеть на него цепь и колодку и посадить в колодец“» [5, 59—60]. В другом месте есть замечание о «стремлении автора унижить Чингиса» [5, 44]. (Таких же взглядов придерживался ленинградский монголист Б. Король [3, 27].) На наш взгляд, механизм возвышения Хасара не опирается на противопоставление его Чингису, а строится другим способом. Это показывает анализ тех эпизодов в данных сочинениях, которые призваны возвысить Хасара, придать ему особую роль.

В «Алтан тобчи» Мэргэн-гэгэна и «Болор толи» Джамбадорджи некоторые события, происшедшие в других хрониках с Чингисом, или сказочные, легендарные качества, приписываемые ему же, как бы «переданы» Хасару.

Рождение. В «Сокровенном сказании» и большинстве летописей, прямо или косвенно восходящих

к нему, говорится, что Тэмуджин родился со сгустком крови в правой руке [7, 84]. Этот знак предвещал его будущие величие и жестокость. Он был также «исполнен удивительных качеств» [8, 62—63], был «перерожденцем» [9, 128]; при его рождении произошли различные знамения, вешая птица чирикала «чингис-чингис», с неба упала яшмовая печать [10, 66]; в некоторых летописях говорится, что Есугэй специально отбил Оэлун у Чилэду, так как понял, что от нее у него родится необыкновенный сын [11]. То есть все указывало на то, что родился чудесный ребенок. Не отходя от этой традиции и «Алтан тобчи» с «Болор толи». Вот как описывает это событие «Болор толи»: «У Есугэй-батара от Оэлун-хатун в третьем 60-лети, первого числа первого зимнего месяца, в год черного коня, на рассвете родился мальчик, исполненный удивительных признаков. В момент его рождения на небе появилась радуга и другие добрые знаки» [2, 390—391]. И только сгусток крови появляется в руке у Хасара: «На следующий год (от рождения дочери Тэмүлун-го. — А. Ц.) от Оэлун-хатун родился мальчик со сгустком крови в кулаке» [2, 391]. Так знак величия и жестокости здесь «передан» Хасару.

Часто происходит дублирование героя. Там, где в других хрониках Чингис действует один, здесь он — вместе с Хасаром.

Плен у тайчудов. Обычно рассказывается, как на Оэлун с сыновьями напали тайчуды, потребовавшие выдачи им Тэмуджина. После девяти дней, проведенных в тайге, Тэмуджин попал в плен, из которого спасся с помощью некоего Торгон-Ширы и его сыновей Чимбай и Чилагу [7, 91—94]. В «Алтан тобчи» и «Болор толи» нападают не тайчуды, а сын Эршилтая, у которого Есугэй отбил Оэлун, по имени Букэ-Чилгир: «В то время сын вышеупомянутого Эршилтая, по имени Букэ-Чилгир, под тем предлогом, что Овлаханши нет уже в живых, прибыл и тихонько от всех Хасара и Тэмучина увез к себе под видом младших братьев. Затем Букэ-Чилгир с намерением получить возмездие за отцовское время на обоих мальчиков надел колодки. В дальнейшем однажды Букэ-Чилгиру довелось устроить большой пир. Мальчики, уловив момент, когда все опьянели, бежали и залегли под кручей реки Харги, держа на весу свои колодки. В ту ночь один человек по имени Торган-Шира из сулдэского племени видел во сне, будто взошли из колодца два соединенных солнца, стали приближаться к нему и опустились в воду реки Харги. На другой день тот человек отправился к реке Харги и под кручей (в яру) этой самой реки нашел двух мальчиков. И подивился смыслу знамения и привез тех мальчиков в свою юрту и запрятал за онгонами. Наутро он разбил колодки, посадил мальчиков на коней и отпустил домой. Вследствие этого они стали почитать Торган-Ширая, как своего благодетеля. А сыновей его Чилуна и Чимбая звали они своими братьями» [3, 78]. Первая часть этого рассказа из «Болор толи» является искаженным ответом другого эпизода — захвата меркитами жены Чингиса Бортэ (о котором в «Сокровенном сказании» говорится: «Эти трое Меркитских вождей, с тремястами людей совершили поход с целью отомстить за то, что некогда Есугэй-Баатур отбил Оэлун-эке у Еке-Чилэду, который доводился младшим братом Тохтоа-беки. Тогда они трижды облагали гору Бурхан-халдун для поимки Темучина и тогда же захватили в плен Бортэ-учжин. Ее они передали на волю младшего брата Чилэдуя, по имени Чилгир-Боко» [7, 103]). Вторая часть в основных чертах совпадает с этим эпизодом в других летописях, но только здесь попадает в плен, прячется в воде и т. д. не один Тэмуджин, а Тэмуджин и Хасар.

Погоня за восемью соловьями. Очень интересен рассказ о том, как грабители забрали у Тэмуджина восемь соловьих коней. Тэмуджин отправился в погоню и вместе с новым другом Борчи отбил их. В «Сокровенном сказании», «Алтан тобчи» Лубсан-Дандзана, «Истории Асрагча» говорится примерно одинаково: «Когда ему рассказали об угоне соловьих мерингов, Бельгутаг говорит: „Я еду в погоню“. А Хасар говорит: „Ты не справишься, в погоню отправлюсь я“. — „Вам не справиться, — говорит Темучжин. — Погонюсь-ка я“» [7, 92]. А вот как повествует об этом «Болор толи»: «Впоследствии однажды один знаменитый разбойник из джарчиудского племени угнал у Тэмучина восемь соловьих коней. Темучин с Хасаром вдвоем стали догонять своих лошадей и по пути повстречались с Буурчи, сыном архайского Лаху-Байана, который в это время охотился, и они погнались, соединившись втроем. Когда они настигли разбойников, те, сопротивляясь, вступили в смертный бой. В ту пору Хасару было 15, а Буурчи 13, и оба они были меткими стрелками из лука, и когда они убили семерых, разбойники не выдержали, бросили коней и бежали» [3, 78—79]. Здесь мы тоже видим дублирование героя, как бы исполнение обычной роли Тэмуджина двумя — Тэмуджином и Хасаром. Но постепенно Хасар просто вытесняет Тэмуджина и почти занимает его место, как это случилось с описанием боя с Таян-ханом [3, 90—92].

Интересно, что многие эпизоды, связанные с противоречиями между Чингисом и Хасаром в «Алтан тобчи» Мэргэн-гэгэна и «Болор толи» сглажены, смягчены, а иногда замолчены.

Пир и размолвка с братьями. Этот эпизод в развернутом виде есть не во всех летописях. В «Сокровенном сказании» об этом говорится довольно кратко. Чингис, к которому перешли многие племена, решил устроить пир. Он собрал на Ононе много народу. Сначала несколько ханш обидели кравчего за то, что тот начал разливать вино не с них. Затем Бэлыгутэй был ранен за то, что пытался остановить вора из чужого племени. Разгневанный Чингис перебил племя чжуркинцев [7, 112—113]. О Хасаре здесь нет ни слова. В других летописях рассказ более подробен. После побоища Чингис обвинил Бэлыгутэя в том, что он не уважил его, подсадил на коня левой рукой. Тогда Бэлыгутэй и Хасар обиделись на брата, говоря, что тот пришел к власти с их помощью. Чингис узнал об этом и решил подавить гордость братьев. Он обернулся стариком, принесшим на продажу лук. Ни Хасар, ни Бэлыгутэй не смогли натянуть его. Старик же выпустил из него золотую стрелу и расколол скалу. Тогда братья поняли, что это был гений владыки и им не следует говорить таких слов [10, 105—107].

В «Алтан тобчи» Мэргэн-гэгэна [5, 146—147] и «Болор толи» [3, 82—85] сделано подробное описание пира и раздоров на нем. Однако конфликта между Чингисом с одной стороны и Бэлыгутэем с Хасаром с другой здесь нет. Этот эпизод имеется почти во всех летописях XVII—XIX вв., например в «Эрдэнийн тобчи» Саган-Сэцэна [8, 72—73], которой, между прочим, пользовался Мэргэн-гэгэн. Отсутствие этого эпизода в наших летописях нам представляется неслучайным. Оно — в русле общей тенденции сглаживания противоречий между братьями, которой придерживались Мэргэн-гэгэн и Джамбадорджи.

Уход Хасара и возвращение его Субэдэем. В «Сокровенном сказании», «Алтан тобчи» Лубсан-Дандзана уход Хасара от Чингиса изложен подробно и драматично. У Муялика из рода хонхотонов было семь сыновей, старший из которых прославился как шаман Тэб-Тэнгри. Он стал весьма влиятельной фигурой, Чингис прислушивался к его

словам. Поссорившись как-то с Хасаром, Тэб-Тэнгри стал наговаривать на него Чингису: «Вечный Тенгри вещает мне свою волю так, что выходит временно править государством Темучжину, а временно Хасару. Если ты не предупредишь замыслы Хасара, то за будущее нельзя поручиться» [7, 176]. Чингис схватил Хасара, но подросла матушка Оэлун. «Развязала она у Хасара рукава, отдала ему шапку с поясом и, не в силах унять своего раздражения, присела на корточки, расстегнулась и, выложив обе груди на колени свои, говорит: „Видите? Вот груди, которые сосали свои. О пожиратели материнской утробы, о братоубийцы! Что сделал вам Хасар? Темучжин опорожнял когда-то одну полную грудь. Хачиун с Отчигином вдвоем не могли опорожнить и одной. А Хасар успокаивал меня и ублажал, опорожняя обе груди мои. Вот почему мой Темучжин взял умом, а Хасар — меткой стрельбой и силой.

Кто в перестрелку вступал,
Тех покорял он стрельбою.
Тех, кто робел перед битвой,
Выстрелом вверх забирал!

Не за то ли и возненавидели вы Хасара, что это он раздавил врагов!“ Успокоив мать, Чингис сказал: „Страшно и стыдно мне материнского гнева. Давай уедем!“ И они уехали. Однако потом он, тайно от матери, отобрал у Хасара людей, оставив ему только 1400 юрт. Но мать узнала, и огорчение этим поступком ускорило ее кончину» [7, 176—177]. Затем Чингис, не желая все же возвышения Тэб-Тэнгри, позволил другому брату расправиться с ним. В большинстве летописей Хасар, обидевшись на брата, уходит от него, но посланный за ним вдогонку Субэдэй возвращает его, произнеся знаменитые слова о родстве [8, 70—73].

Слова эти есть и в «Алтан тобчи» Мэргэн-гэгэна, и в «Болор толи», но изложен этот эпизод совершенно иначе. «Четыре старших и младших брата всегда были дружны и равноправны. Но в то время некоторые араты сообщали [сплетни] каждому из них отдельно, почему четыре эдзэна стали относиться друг к другу равнодушно и проявлять стремление к разделу кочевий. Тогда Субэдэй-батор сказал стихами: „Если родные по пуповине будут разъединяться и разъезжаться, то от этого будет польза только чужим. Если многодетная семья будет разъединяться и разъезжаться, то от этого [будет] плодиться только сиротство. Все желания исполняются легко, [но] не приобретается родня по пуповине. Любые желания исполняются сполна, но не приобретаются старшие и младшие братья“.

Так было сказано. Братья выразили свое согласие со сказанным и назначили Субэдэй-батара домашним учителем. Так были пресечены сплетни. [Братья] ввели различия по степеням и достоинствам и, обучившись правилам церемоний и приличий, укрепили дружбу и единомыслие» [5, 145]. Этот отрывок из «Алтан тобчи» Мэргэн-гэгэна практически полностью и без изменений вошел в «Болор толи» [3, 81—82]. Как мы видим, здесь содержится лишь неясный намек на разлад между братьями, который к тому же был инспирирован наговорами сплетников. Опять — попытка сгладить противоречия между Чингисом и Хасаром.

Уход к Ван-хану и обман последнего. Этот эпизод везде излагается довольно близко. Окончательно разойдясь с Ван-ханом, Чингис решил хитростью погубить его. Он попросил Хасара, бывшего до этого у Ван-хана, но бежавшего от него к Чингису, послать к тому гонцов. Они должны были сообщить Ван-хану, что Хасар хочет присоеди-

ниться к нему и просит указать место, где находится. Ван-хан, не подозревая подвоха, исполнил просьбу, пошел на встречу с Хасаром, но был разбит войском Чингиса [7, 139].

В большинстве летописей нет объяснения, почему Хасар оказался у Ван-хана. Мэргэн-гэгэн и Джамбадорджи дают такое объяснение. Вот как описывается это событие в «Болор толи» (практически идентично с «Алтан тобчи» [5, 147]): «В то время одна часть Хуванджилского аймака приближалась с целью покориться Темучину, а Хасар, не зная об этом обстоятельстве, повстречав тот народ Хуванджилского аймака, повоевал его, вследствие чего тот народ бросился бежать и вступил в самагунский аймак (племя Джамухи. — А. Ц.). Темучин, услышав об этом обстоятельстве, разгневался на Хасара и двоих его сыновей и подданных отобрал, а Хасара, одного оставив, изгнал и выслал на Харуна. Когда же Субэгэтэй-багатур стал упрекать Темучина за то, что он усладил Хасара, Темучину это не понравилось, и он отпустил Субэгэтэй-багатура от должности наставника...

В то время как Хасар проживал в Харуна, неожиданно явилось ван-хановское войско и разгромило дом, где жил Хасар. Хасар в одиночку и пеший, прижимая к груди своего сына Тогто-а, спасся бегством» [3, 85—86].

Это объяснение, почти не встречающееся в других монгольских летописях, хорошо известно китайским хроникам [12, 24—25]. Вероятно, эпизод, широко распространенный на юге Монголии, граничащем с Китаем, не мог не войти в летописи уратских авторов. Но вот что интересно. И Мэргэн-гэгэн, и Джамбадорджи делают акцент не на ссоре Чингиса с Хасаром, хотя и не замалчивают ее, а на их трогательной встрече и клятве в верности.

«В дороге он (Хасар. — А. Ц.) испытывал недостаток в пище и, питаясь птичьими яйцами, добрался до реки Билджухай. В то время также и Темучин, будучи преследуем ван-хановским войском, тоже подошел к реке Билджухай. Хасар, узнав об этом, отправился и повстречал Темучина. Тогда братья сели и стали беседовать о своем положении преследуемых ван-хановским войском. В том месте на реке был перекат. И у того, и у другого продовольствие кончилось, и так как они были в совершенно безлюдной местности, то когда, мучимые голодом, дошли до крайности из-за невозможности хоть что-нибудь найти, то в это время с северной стороны выскочил дикий осел, тогда Хасар выстрелил и свалил его. А так как у них не было котла, то они освесевали дикого осла в виде мешка, а мясо его, изрезав, сложили в этот самый мешок и тем питались. Темучин, испив воды из той реки и земно поклонившись небу, произнес: „Если я исполню великое предначертание, взойдя на ханский престол, то я буду делить с вами и радость и горе, если же я нарушу это слово, то пусть я прерву течение свое наподобие переката этой реки. И пусть во веки веков [до потомков потомков] люди, дающие клятву, пьют воду из этой реки“.

Хасар был глубоко тронут и, роняя слезы, испил воды и поклялся» [3, 86—87].

В «Алтан тобчи» Мэргэн-гэгэна и «Болор толи» Джамбадорджи отсутствуют некоторые мотивы, рисующие обоих братьев в негативном свете. Неслучайно в них нет рассказа об убийстве Темуджином и Хасаром их сводного брата Бэгтэра. В «Болор толи» сказано, что Бэгтэр скончался от ран бездетным, будучи взрослым человеком [3, 82], в «Алтан тобчи» отмечено более точно: в «тридцатилетнем возрасте» [5, 142].

Замалчиваются в наших летописях и такие детали, которые вредят образу одного Чингиса, всемогущего владыки.

Поход на тангутов. Как известно, Чингис умер во время похода на тангутов. В «Сокровенном сказании» рассказывается, что Чингис упал с коня на охоте и заболел. Разбив армию тангутов и убив их царя Шидургу, он умер [7, 189—191]. Уже в «Алтан тобчи» Лубсан-Дандзана, по структуре и содержанию близко стоящей к «Сокровенному сказанию», но относящейся к более позднему времени, приводится большая легенда о событиях, предшествовавших смерти Чингиса.

Чингис-хан отправил посла к тангутскому царю Шидургу с предложением напасть вместе на сартагулов. Шидургу высокомерно отказался. Тогда Чингис решил отомстить ему и напасть на тангутов. Перед этим он послал слугу к Хасару за перьями орла. Хасар же послал перья баклана. Чингис разгневался и затаил обиду. Перед нападением на тангутов Чингис увидел сову, предвещавшую несчастье. Он приказал Хасару убить ее, но тот попал в пролетающую мимо сороку. Услышав еще и наговор слуги, обвинившего Хасара в симпатиях к Хулан-хатун, жене Чингиса, последний приказал схватить Хасара и держать привязанным к колоду. На границе же с тангутами некая старуха, воплощение злого духа, встретила армию Чингиса и умертвила многих воинов. Попасть в нее мог только Хасар. Чингис освободил его, но тот был очень слаб и поэтому попал старухе в коленку. Перед смертью она прокляла весь род Хасара. После ряда волшебных превращений (Шидургу — в змея, Чингиса — в Гаруди, Шидургу — в тигра, Чингиса — в льва) Чингис убил Шидургу. Ханшу последнего, писаную красавицу Гурбэлджин-хатун, Чингис взял в жены, но та пошла совершать омовение на реку и утопилась. Река после этого стала называться Хатунгол (Хуанхэ). На обратном пути у владыки случился жар, и он умер [10, 234—238].

Многие летописи, как и «Алтан тобчи» Лубсан-Дандзана, не соотносят смерть Чингиса с именем Гурбэлджин-хатун или говорят об этом как-то глухо. Другие более откровенны: «Гурбэлджин Гоа-хатун, к потаенному месту своему прижав щипцы, тайному месту Эдзэна вред причинила» [9, 133]. Легенда о том, что тангутская ханша погубила Чингиса, весьма распространена. Недаром и в «Алтан тобчи» Лубсан-Дандзана Шидургу-хан, умирая, наказывает обыскать Гурбэлджин-хатун «вплоть до черных ногтей, всю!» [10, 238]. Хотя здесь этот мотив так и повисает в воздухе.

Мэргэн-гэгэн и Джамбадорджи не приемлют этой легенды. В «Алтан тобчи» говорится: «...Отдельные неумные монголы говорят, что Чингис-хан воевал с тибетским Шидургу толгэн-ханом*. Более того, переходя всякую меру, без стыда и без толку болтают вздор о том, что Чингис, убив Шидургу толгэн-хана, взял его жену, которая якобы сразу же повредила ему тайный орган ножницами, отчего он скончался» [5, 126].

Джамбадорджи в трактовке этого эпизода явно следует за «Хухэ дэбтэр», анонимной хроникой начала XIX в. Вот что он пишет: «После того Чингис-хан женился на Гурбэлджин-Гова, жене Шидургу-хана. Потом, когда он расположился лагерем у города в местности, называемой Дурбэши, Гурбэлджин-Гова задумала отомстить Чингис-хану; и будучи искусной резальщицей [ножницами], она повредила ему все же не сумела и бежала и утопилась в Хара-Мурэне. От этого-то впоследствии Хара-Мурэн и прозвали Хатун-гол...» [3, 100]. Объяснение возникновения этой легенды Джамбадорджи дает несколько более сумбурно и кратко, чем это сделано собственно в «Хухэ

дэбтэр», почему мы приводим фрагмент из последнего сочинения: «В некоторых наших монгольских книгах говорится, что владыка Чингис-богдо умер от вреда, нанесенного ему ханшей Шидургу-хана. Это не совпадает с китайскими и тибетскими историями. Кроме того, владыку Чингиса возвеличивают как могущественного, обладающего чудесной силой [человека]: когда тангутский хан Шидургу превратился в тигра, змею и старика, [Чингис] воплотился в хана животных — льва, хана птиц — Гаруди, хана тэнгриев — Хормусту; Шидургу-хана, которого простым мечом победить невозможно, убил. Зная это, тут же оскорбляют, говоря, что он погиб от ничтожной малости. Это — разговоры, свидетельствующие о неумении отличать возвеличивание от оскорбления. Это ясно всякому — и умному, и глупому. Почему же такое известие распространилось? Когда-то [Чингис] убил хана желтых сартагулов Сулдэ, его подданных подчинил себе, а ханшу с маленьким сыном Унэгэн отдал Хабуту-Хасару. Затем во время похода на тангутов владыка немного рассердился на Хабуту-Хасара. Тогда сын той ханши подумал: „Родного моего отца убил, а теперь взрастившего меня отца ругает“. И в отместку он распространил такой плохой слух. И больше ничего. Так было, как сказано выше» [13, 12—13].

Итак, основной корпус эпизодов, связанных с Хасаром, показывает, что авторы «Алтан тобчи» и «Болор толи» возвышали Хасара, но делали это не за счет Чингиса или в противовес ему. Чингису оставлены все атрибуты высшей ханской власти: он получает яшмовую печать, ему с неба спускается яшмовая чаша, при его рождении и смерти появляются чудесные знамения. Его образ сакрален. Недаром в наших летописях убраны многие детали, вредящие этому образу: убийство брата, смерть от коварной мести тангутской ханши. Чингис — высший символ гармонии и благоденствия. Его возрождение, как и возрождение Нагарджуны и Дзонхавы, видится как знак будущего совершенного устройства мира. Чингис — посланец неба, за ним — высшая правда.

А что же Хасар? Хасар или дублирует Чингиса, действуя с ним вместе; или выходит на первый план, являясь истинным героем, тогда как Чингис присутствует как бы номинально, где-то за его спиной; или полностью замещает Чингиса, особенно в эпизодах героического толка. Несомненно, такое место в наших летописях Хасар занял благодаря местной традиции, опиравшейся на культ Хасара. Этот культ явно носил локальный характер, ограничиваясь южными районами Монголии, где проживали племена, считавшие себя потомками Хасара, и не вступал в противоречия с «большим» культом Чингиса, охватывавшим все монгольские народы. О культе Хасара рассказывает ученый из Внутренней Монголии Д. Сэнгэрэнцэн [14, 35—44], упоминает немецкий исследователь К. Сагастер [15].

О существовании такого культа говорят и многие детали наших летописей. Например, в «Алтан тобчи» Мэргэн-гэгэна, «Болор толи», «Хухэ дэбтэр» и других летописях ордосского и даже шире — южномонгольского происхождения — «Эрдэнийн тобчи» Саган-Сэцэна, «Хурангуй Алтан тобчи», «Алтан тобчи» Лубсан-Дандзана и др. Хасар часто называется титулом «эдзэн» («владыка»), обычно связываемым только с Чингисом. В «Болор толи» он даже назван «богдо» («святой»). В этом проявляется именно культ Хасара, а не желание противопоставить Хасара Чингису, «отнять» у последнего высший титул, что подтверждается существованием аналогичных случаев. Вспомним, что Мухули, полководец, осуществлявший завоевательные планы Чингиса в Китае, в китайских хрониках величается «тайцзу», титулом, принадлежащим по китайской тра-

* Монгольские летописцы часто путали тангутского Шидургу-хана с тибетским царем VII в. Сронцзангампо, чье имя переводится на монгольский язык как Шидургу-Толгэн-хан.

диции только императорам, основателям династии. Примечательно, что даже Б. Я. Владимирцов, большой знаток монгольской истории и культуры (вслед за переводчиком П. Васильевым), обманутый этим титулом, принял в хронике «Мэн да бэй лу» Мухули за Чингиса, в чем потом признавался сам [16, 9, примеч. 2]. Значит, в порядке вещей было возникновение если не культа, то глубокого почитания как верховного владыки не только Чингис-хана, но и того лица, которое фактически осуществляло власть в данной местности. Так, вероятно, случилось и с Хасаром.

Этот культ сопровождался героизацией и даже мифологизацией образа Хасара в письменной и фольклорной традиции монгольских народов. Черты эпического героя в образе Хасара в монгольских летописях проглядывают вполне отчетливо. Наверное, он действительно обладал недюжинной силой, метким глазом, храбростью и ловкостью — чертами, так сказать, личного геройства, которые были так уважаемы в обществе воинственных номадов. Эти качества Хасара быстро обросли легендарными чертами. Во всяком случае, образ Хасара, героя, близкого эпическому, сложился довольно рано. Уже в «Сокровенном сказании» есть описания Хасара героического плана:

Мать Оэлун одного из сынков
Мясом людским откормила.
Ростом в три сажени будет,
Трехгодовалого быка он съедает,
Панцирь тройной на себя надевает,
Трое волков без труда не поднимут.
Вместе с сайдаком людей он глотает:
В глотке у витязя не застревают.
Доброго молодца съест он зараз:
Только раздражит охоту.
Если ж во гневе — не к часу сказать!
Пустят, наладив, стрелу-анхуа он, —
Насквозь пройдя через гору, к тому ж
Десять иль двадцать пронзит человек.
Если ж повздорит он с другом каким —
Будь между ними хоть целая степь —
Кейбур-стрелу, ветряницу, наладив,
Все ж на стрелу он нанижет его.
Сильно натянет — на девять сотен
алданов сшибет,
Слабо натянет — на пять он сотен достанет.
Чжочи-Хасар прозывается он.
То не обычных людей порожденье:
Сущий он демон — мангус Гурэягу [7, 148—149].

Это — характеристика, которую дает Хасару Джамуха. Здесь же он говорит и о Чингисе, и об Отчигине (другом брате Чингиса), и о других, но ни одно описание не сравнится с описанием Хасара.

В других летописях Хасар тоже предстает могучим богатырем, героем. Даже в «Болор толи», текст которой довольно сух и лишен художественных описаний, встречаются картины, рисующие Хасара непобедимым богатырем. Вот фрагмент из описания боя с Таян-ханом:

«Когда войска обеих сторон вошли в соприкосновение и построились, Даян-хан подступил во главе с копьем наперевес, а в это время из монгольского войска с копьем в руках выступил Хабуту-Хасар. Когда они сблизились и 20—30 раз на скаку повернулись, один главнокомандующий даян-хановского войска, по имени Самагур, сказал так: „В старину мы несколько раз воевали монголов. Тогда они могли быть съедены вместе с кожей и внутренностями подобно барашку. А теперь, как посмотрю, этот человек подобен небесному богатырю, а его управление войском, его могучая сила отличны от предыдущих, а потому мы должны быть побеждены, что бы мы ни делали. Потому тебе

следует отступить и покрепче оборонять свой Нутуг“. И с этими словами стал отступать. Точно так же и государь мэргитского аймака, поняв, что неизбежно поражение, забрал свое войско и отступил.

Хасар некоторое время бился, но конь его изнемог. Тогда он отдохнул и сказал затем: „Я еще раз сшибусь“. Поворотил он свою лошадь и только хотел вернуться, как Даян-хан, расхрабрившись, отпустил поводья, завопил и понесся на него; тогда Хасар, бесстрашно наступая, подскочил к нему и тут же наложил на тетиву стрелу и с одного выстрела пронзил насквозь лицо Даян-хана и свалил его.

Возвратясь к своему Хасару, Бату-Табунан вместе со своим отрядом с криком вступил в бой. Под великим напором того великого войска наймановские войска пришли в полное расстройство и побежали. А тут наступила ночь, они наезжали в послепешном бегстве на скалы, и погибших у них было великое множество. Войска Хасара и Бату-Табунана до конца ночи их войскам учинили жестокою резню. Затем на рассвете уцелевшие войска их полностью преклонили колени и покорились Хасару» [3, 91—92].

Среди устных преданий монголов уратского племени ходит легенда о Хасаре как о могучем богатыре, который во время еды не замечал падающих на него искр от костра (сообщено сотрудником Университета национальных меньшинств в Пекине М. Ульзием).

Как в письменной, так и в устной традиции монгольских народов была очень популярна легенда о том, как Хасар убил старуху-ведьму, противоборствовавшую монгольскому войску перед походом на тангутов. Эта легенда в письменных источниках и в устных изводах [17], сохраняя некоторые черты эпического сказания, приближается к волшебной сказке. Во всяком случае, Чингис побеждает Шидургу-хана с помощью чудесной силы, волшебства и превращений. В этом сюжете у Хасара тоже появляются черты героя волшебной сказки или — иногда — буддийской легенды. В «Болор толи» рассказывается, что Хасар победил чертей и злых духов, которые наслал на монгольское войско заклинатель тангут с помощью «едкого зелья» и заклинаний [3, 98—99]. А в бурятской сказке на этот сюжет, о которой сообщает Г. Н. Потанин, «смерть тангутского царя содержится в трех пчелах, за которыми Хасар должен ехать куда-то далеко и переплывать через море» [18, 55, 103]. Хасар отыскивает смерть Шидургу-хана, после чего тот и гибнет. Это уже совершенно сказочный мотив.

По некоторым деталям можно предположить и существование представлений о Хасаре как о культурном герое. Недаром в «Алтан тобчи» Мэргэн-гэгэна и в «Болор толи» Джамбадорджи он выступает главным действующим лицом не только в эпизодах героического плана, но и в рассказе о получении монголами печати от Тататунги, тем самым принимая на себя почетный груз распространителя письма среди монголов [5, 93].

А. М. Позднеев сообщает об одной легенде о Хасаре, в которой проглядывают мифологические черты. Он пишет: «Верстах в полтора от Калгана находится скала, называемая „верблюжьей пятой“, а досужие монголы составили по поводу ее даже легенду, рассказывающую, что в древние времена здесь проезжал Хасар, брат Чингис-хана; верблюд, на котором он ехал, лягнул эту скалу своей пятой, и последняя отпечаталась на камне в виде неправильного круга, приблизительно саженого диаметра» [19, 165].

По набору тех легенд, которые оказались нам доступными (а мы уверены, что их было — и есть — намного больше), видно, что культ Хасара как бы повторял в уменьшенных размерах культ Чингиса. Отличительной чертой здесь можно, наверное, назвать сравни-

тельно большую героизацию образа Хасара. Именно эта частично отражавшая культ Хасара устная традиция, которая имела локальный характер и была наиболее широко распространена среди племен, относящих себя к потомкам Хасара (урат, хорчин), и которая имела не исторический, а культовый и эпический характер, и послужила основанием для формирования прохасарских летописей Мэргэн-гэгэна и Джамбадорджи.

В. Хайссиг [20, 179], а за ним П. Б. Балданжапов [5, 26, 35] указывали, что Мэргэн-гэгэн использовал какие-то устные предания, генеалогические сказания о Хасаре и его потомках. Но они имели в виду предания, содержащие исторические сведения, например, данные о Шинустэе, родоначальнике хорчинов. Мы же говорим о легендах и сказаниях эпических, где Хасар уже не столько историческая личность, сколько эпический герой. Вот почему Хасар в наших летописях не совершает действий, так сказать, «из жизни» Хасара, а повторяет эпизоды «из жизни» Чингис-хана. Вот почему в них практически нет новых, не известных по другим источникам историче-

ских сведений, связанных именно с Хасаром как исторической личностью. Вот почему нет в них и нетрадиционного отношения к Чингис-хану (которое усматривают некоторые ученые). Вот почему Хасар лишь дублирует, замещает или вытесняет Чингиса. То есть в летописях, относящихся к смешанному, эпико-историческому типу, Хасар становится на место Чингиса «эпического», а не Чингиса «исторического». Конечно, Хасар не может полностью вытеснить Чингиса, так как даже в среде потомков Хасара его культ существует на фоне «большого» культа Чингис-хана. Отсюда — такое сосуществование двух владык, смешение их, которое П. Б. Балданжапов и Б. И. Король принимают за соперничество.

Таким образом, мы считаем, что прохасарская направленность «Алтан тобчи» Мэргэн-гэгэна и «Болор толи» Джамбадорджи не явилась результатом проявления «интересов античингисовской оппозиции» [5, 45], а сформировалась под воздействием устной эпической традиции. Она имеет не исторические, а эпические корни.

Литература

1. Heissig W. Bolur Toli. «Spiegel aus Bergkristall» von Jambadorji (1834—1837). Buch III: Geschichte der Mongolen. Kopenhagen, 1960. S. XIII.
2. Liu Yin sse. Bolur toli. Jambadorji jokiyaba // Mongyol bičig-ün čubural. (Begejing), 1984. Q. 10.
3. Король Б. И. Болор-толи. Т. 3 (Монгольская летопись XIX в.). Рукопись. Хранится в секторе Монголии ИВ РАН. С. 26—28.
4. Пучковский Л. С. Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Т. 1: История, право. М.; Л., 1957. С. 60—70.
5. Балданжапов П. Б. Алтан тобчи. Монгольская летопись XVIII в. Улан-Удэ, 1970.
6. Нацагдорж Ш. Чингис Хасар хоёрын зерчил. Улаанбаатар, 1958.
7. Козин С. А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongyol niyuča tobčiyun (Юань чао би ши) // Монгольский обыденный сборник. Т. 1. М.; Л., 1941.
8. Schmidt I. J. Geschichte der Ost-Mongolen und Ihres Fürsten-hauses, verfasst von Ssanang Soetsen Chungtaidschi der Ordus. St. Pб., 1829.
9. Шастина Н. П. Шара Туджи. Монгольская летопись XVII в. / Сводн. текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шастинной. М.; Л., 1957.
10. Лубсан Дандзан. Алтан тобчи (Золотое сказание) / Пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н. П. Шастинной. М., 1973.
11. Qad-un ündüstin quriyangui Altan tobči // Mongyol tulγur bičig-ün čubural. Bulay γarγulju tayilburilaba. (Begejing), 1989. Q. 15.
12. Dai Yuan ulus-un bičig. (Ming) Süng Liyan nar jokiyaba. (Čing) Düdeng, Öljejitü, Sarang, Sonom orčiyulba. (Köke qota), 1987.
13. Tengri γajar-un angqa toytoγsan-ača qayad-un ejelegsen qayučin Köke debter kemektü šastir orošibai. СПб., 1912.
14. D. Senggerinčin. «Qabutu Qasar-un takily-a-yin ordon»-u sergülte. «Öbör Mongyol-un baysi-yin yeke surγayuli». Erdem sinjilgen-ü setgül. Neyigem-ün sinjilekü uqayan-u keblel. 1989. N 2.
15. Sagaster K. The «Real Support» (Jingkini sitügen) of the Cult of Činggis Khan: Докл. на VI Междунар. конгрессе монголистов. Улан-Батор, 1992.
16. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
17. Qabutu Qasar-un tuqai domoy // Mongyol arad-un domoy üli-ger-üüd. Begejing, 1984. Q. 5—8; Tsingis xān, «b» // Antoine Mostaert. Textes oraux ordos. Peiping, 1937. P. 130—131.
18. Потанин Г. Н. Ерке, сын неба, в Северной Азии: Материалы к турко-монгольской мифологии. Томск, 1916.
19. Позднеев А. М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг. Т. 2. Дневник и маршрут 1892 г. СПб., 1898.
20. Heissig W. Die Familien- und Kirchengeschichtsschreibung der Mongolen. Teil I: 16—18. Jahrhundert. Wiesbaden, 1959.